

**НЕГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ОРГАНИЗАЦИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ АДВОКАТУРЫ И НОТАРИАТА»**

КУРСОВАЯ РАБОТА

на тему: «Самозащита гражданских прав»

Выполнила:
Студентка 2 курса
Очного отделения
Юридического факультета
Демкова
Анастасия Валерьевна

Научный руководитель:
к.ю.н., доцент
Мыскин
Антон Владимирович

Москва, 2017

Оглавление

Введение	3
1. Правовое регулирование самозащиты гражданских прав	5
1.1. Защита гражданских прав.....	5
1.2. Понятие и содержание самозащиты гражданских прав	10
2. Особенности самозащиты гражданских прав	16
2.1. Соотношение понятий самозащита гражданских прав и мер оперативного воздействия	16
2.2. Практика реализации гражданами самозащиты гражданских прав	24
Заключение.....	31
Список использованных источников и литературы	32

Введение

Актуальность темы исследования. Независимо от уровня развития общества, правонарушения, к сожалению, остаются его неотъемлемой составляющей. Поэтому вопрос о том, каким образом можно эффективно защитить свои нарушенные гражданские права, очень актуален на сегодняшний день. От решения этого вопроса во многом зависит стабильность хозяйственного оборота и уверенность каждого в гарантированности своих прав. Вместе с тем, такое явление как самозащита, которое, по логике законодателя, должно было занять место одного из самых оперативных способов защиты, выявляет на сегодняшний день массу сложностей, связанных с пониманием ее сущности в качестве нового способа защиты гражданских прав.

Таким образом, на современном этапе развития цивилистических представлений о самозащите назрела необходимость устранения пробелов в законодательном регулировании данной сферы, выяснения ее специфики и того, чем самозащита отличается от иных самостоятельных действий, направленных на реализацию гражданских прав или их восстановление.

Актуальность изучаемой проблемы обусловлена несколькими причинами.

Во-первых, указанный институт является относительно новым для российского гражданского законодательства, что породило значительное расхождение во мнениях относительно его содержания, а также крайне ограниченное применение нормы, посвященной самозащите.

Во-вторых, определение содержания самозащиты гражданских прав требует ответа на вопрос о соотношении ее с похожими институтами гражданского и других отраслей права, выявления условий правомерности причинения самостоятельной защитой вреда.

Объектом исследования выступают отношения, складывающиеся по поводу самозащиты в гражданском праве России.

Предмет исследования составляют теоретические и практические аспекты проблемы применения самозащиты гражданских прав в законодательстве зарубежных стран, России и в отечественной судебной практике.

Цель работы: исследование самозащиты гражданских прав.

Задачи работы:

- изучить защиту гражданских прав;
- рассмотреть понятие и содержание самозащиты гражданских прав;
- раскрыть соотношение понятий самозащита гражданских прав и мер оперативного воздействия;
- определить практику реализации гражданами самозащиты гражданских прав.

Методологической основой исследования является использование историко-правового, формально-логического, сравнительно-правового методов исследования.

Теоретическую основу исследования составили труды ученых: А.П. Анисимова, В.В. Бараненкова, Н.А. Агешкиной, Н.А. Барина, Б.П. Архипова, В.А. Белова и других.

Нормативно-правовую базу исследования составили: Конституция Российской Федерации принята всенародным голосованием 12.12.1993 года Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ и другие нормативные акты.

1. Правовое регулирование самозащиты гражданских прав

1.1. Защита гражданских прав

Из всех основных начал гражданского законодательства, закрепленных в п. 1 ст. 1 ГК РФ, принцип беспрепятственного осуществления гражданских прав наименее изучен с научной точки зрения - ему не посвящено ни одного специального исследования, и в основном он рассматривается лишь в контексте пределов осуществления гражданских прав¹.

Вероятно, такая ситуация обусловлена, во-первых, особенностями редакционного изложения данного принципа в ст. 1 ГК РФ, а во-вторых, исключительной широтой сферы его действия, в силу чего он вступает в довольно сложные отношения с другими основными началами гражданского законодательства, прежде всего со свободой договора и невмешательством в частные дела.

Принцип беспрепятственного осуществления гражданских прав относится к группе основных начал гражданского законодательства, которые объединены категорией «необходимость». Однако легальная формулировка «необходимость беспрепятственного осуществления гражданских прав» неизбежно вызывает определенные сомнения с точки зрения своего смысла. В первую очередь возникает вопрос: по отношению к кому существует такая необходимость? Совершенно справедливым является замечание Т.В. Дерюгиной о некорректности такой формулировки в связи с тем, что может возникнуть впечатление, будто речь идет о необходимости для самого носителя гражданских прав: «Словосочетание «необходимость осуществления» может использоваться только по отношению к управомоченному субъекту.

Однако при таком толковании нарушается другой принцип гражданского права: никто не может быть принужден к осуществлению своего права».

¹ Дерюгина Т.В. Теоретические проблемы в сфере осуществления гражданских прав: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2011. – С. 13.

Разумеется, принцип беспрепятственности осуществления гражданских прав не может быть адресован носителю этих прав, поскольку это противоречило бы природе субъективного права как возможности, использование которой определяется лишь волей управомоченного лица; кроме того, возложение какой-либо ответственности за препятствия в правореализации на управомоченного субъекта лишено смысла хотя бы потому, что в большинстве случаев эти препятствия от него никак не зависят.

Если понимать беспрепятственность как полное отсутствие каких-либо внешних помех к осуществлению лицом своих гражданских прав, то и такая трактовка оказывается неудовлетворительной, поскольку правовой принцип, как и любое нормативное предписание, является действенным лишь в том случае, когда его можно применить в качестве регулятора поведения; иначе говоря, общая идея беспрепятственности может выступать в качестве принципа лишь после конкретизации своего юридического содержания. Е.В. Вавилин интерпретирует принцип беспрепятственного осуществления гражданских прав как недопустимость обязывания субъекта к реализации его прав: «В частности, граждане и юридические лица имеют право не только на защиту принадлежащих им субъективных гражданских прав, но и обладают возможностью отказаться от защиты нарушенных прав или охраняемых законом интересов. Правовые акты не обязывают субъектов возвращать контрагенту недоброкачественные товары, предъявлять претензии или исковые требования на должников, правонарушителей»².

Можно в общем виде определить препятствие как обстоятельство, полностью или частично исключаящее осуществление лицом своего гражданского права. Чтобы уточнить сферу действия рассматриваемого принципа, стоит провести классификацию возможных препятствий.

Прежде всего, следует разделить их на фактические и юридические; при этом под юридическими препятствиями можно понимать такие, которые опосредованы нормативным регулированием, а под фактическими - не имеющие правовой формы.

² Вавилин Е.В. Принципы гражданского права // Принципы российского права: общетеоретический и отраслевой принципы / Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. Саратов, 2010. - С. 545.

Фактические препятствия, в свою очередь, могут быть с некоторой условностью разделены на события, деяния (действия и бездействие) и состояния.

События как факты, происходящие вне зависимости от воли человека, объективно могут выступать препятствиями к осуществлению гражданских прав. Однако в силу своей природы они, очевидно, полностью выпадают из зоны действия исследуемого принципа. Например, наводнение, затопившее земельный участок с постройками, явно создает препятствие для реализации собственником своих прав на недвижимое имущество. Однако принцип беспрепятственного осуществления гражданских прав в данном случае применен быть не может, поскольку право не способно воздействовать на явления природы. Он не может быть использован и для стимулирования ликвидации последствий стихийного бедствия, хотя бы потому, что соответствующая обязанность носит не гражданско-правовой, а публично-правовой характер, а также потому, что данный принцип не позволяет определить субъектов этой обязанности. В отличие от событий деяния субъектов гражданского права поддаются юридическому воздействию и, следовательно, могут предотвращаться или пресекаться на основании рассматриваемого принципа.

Так, вполне типичным для судебной практики является следующий случай: собственник трехкомнатной квартиры обращается с иском в суд, указывая, что в квартире проживает его бывшая супруга, которая сменила замки на входной двери, вследствие чего истец лишен возможности пользоваться объектом своей собственности. Учитывая, что ответчик не отрицает отсутствия у истца доступа в квартиру, суд пришел к выводу, что по данному делу доказано наличие препятствий, выражающееся в невозможности пользования жилым помещением со стороны собственника, и обязал ответчика устранить эти препятствия путем передачи истцу ключей от квартиры. Наиболее распространенными правовыми средствами устранения препятствий к осуществлению гражданских прав являются виндикационный иск - истребование имущества из чужого незаконного владения (ст. 301 ГК РФ) и негаторный иск - против нарушений прав собственника, не связанных с лишением владения (ст. 304 ГК РФ).

Однако принцип беспрепятственности может быть применен не только к вещным правам, но и к обязательственным и к иным видам гражданских прав.

Равным образом принцип беспрепятственности осуществления гражданских прав относится и к случаям бездействия, когда гражданские права для своей реализации требуют действий со стороны обязанного лица (например, уклонение органа, осуществляющего регистрацию прав на имущество, от внесения соответствующей записи в государственный реестр, не позволяющей осуществить право собственности на недвижимое имущество).

Что касается фактических состояний, в той мере, в какой они носят объективный характер, эти состояния не относятся к сфере действия принципа беспрепятственности по тем же причинам, что и события. Например, отсутствие денежных средств создает фактическое препятствие для реализации сособственником своего преимущественного права покупки продаваемой доли в праве общей собственности (п. 1 ст. 250 ГК РФ). Однако это препятствие не может быть устранено юридическими средствами и поэтому не является предметом регулирования основных начал гражданского законодательства.

Юридические препятствия к осуществлению гражданских прав возникают на основании норм права в установленной документальной или процедурной форме. Они традиционно именуется также ограничениями гражданских прав и могут быть подразделены на индивидуальные и нормативные.

Индивидуальные препятствия (ограничения) носят персонально определенный, разовый характер и вытекают из правоприменительных актов или договоров. Допустимость таких ограничений с точки зрения беспрепятственного осуществления гражданских прав определяется наличием или отсутствием надлежащих нормативных оснований.

Решающий вес в сфере ограничений гражданских прав имеют меры законодательного характера. Приемлемость или неприемлемость конкретных правоограничений на уровне правоприменения или подзаконного нормативного регулирования полностью зависит от того, существуют ли для них законодательные основания, а также от их собственной правомерности.

Вследствие этого необходимым дополнением к принципу беспрепятственного осуществления гражданских прав выступает положение абз. 2 п. 2 ст. 1 ГК РФ³: «Гражданские права могут быть ограничены на основании федерального закона и только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства».

Данное правило, как может показаться, призвано установить основания законодательных ограничений гражданских прав и тем самым исключить их неправомерное ущемление. Однако в действительности эту функцию положение абз. 2 п. 2 ст. 1 не выполняет, что вызвано в том числе особенностями иерархии актов гражданского законодательства по их юридической силе. Даже если гражданские права будут ограничены законами по иным основаниям, нежели перечислены в абз. 2 п. 2, это вовсе не будет означать, что такие ограничения являются недопустимыми. Хотя в п. 2 ст. 3 ГК РФ и говорится, что нормы гражданского права, содержащиеся в других законах, должны соответствовать настоящему Кодексу, фактически это не отменяет традиционное представление о том, что специальные нормы гражданского законодательства имеют приоритет перед общими. В данном случае для борьбы с необоснованными правоограничениями более действенным является вовсе не принцип беспрепятственного осуществления гражданских прав, а скорее ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации⁴, где перечислены те же самые основания для ограничения прав человека, что и в абз. 2 п. 2 ст. 1 ГК РФ, причем данная статья может быть использована в рамках конституционного судопроизводства для защиты прав, нарушенных законодательными актами.

Довольно многочисленные юридические препятствия к осуществлению гражданских прав содержатся в тексте самого Гражданского кодекса Российской Федерации.

³ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 28.12.2016) // Российская газета. № 238-239, 08.12.1994.

⁴ Конституция Российской Федерации принята всенародным голосованием 12.12.1993 года (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Российская газета, № 237, 25.12.1993.

Примерами таких ограничений являются, например, п. 1 - 2 ст. 10 ГК РФ, запрещающие использование гражданских прав с намерением причинить вред другому лицу, с заведомо противоправной целью, в целях ограничения конкуренции и др. Хотя в данной статье речь идет о пределах осуществления гражданских прав, из ее содержания ясно, что имеются в виду не внутренние пределы, которые определяются самим содержанием гражданских прав, а внешние ограничения, поскольку запрещены именно действия, которые с точки зрения этих гражданских прав являются допустимыми (иначе нельзя было бы относить это поведение к «осуществлению гражданских прав»). Можно в общем виде определить препятствие как обстоятельство, полностью или частично исключающее осуществление лицом своего гражданского права. Чтобы уточнить сферу действия рассматриваемого принципа, стоит провести классификацию возможных препятствий. Принцип беспрепятственного осуществления гражданских прав направлен главным образом против деяний (включая правоприменительные и подзаконные нормативные акты, а также бездействия), которые мешают другим участникам гражданских правоотношений осуществлять принадлежащие им права, причем если эти деяния не предусмотрены нормами права, но и прямо не противоречат им (в последнем случае достаточно применить нарушенную гражданско-правовую норму)⁵.

Под осуществлением права понимается не только совершение управомоченным лицом активных действий по реализации принадлежащего ему права, но и воздержание от осуществления права⁶.

1.2. Понятие и содержание самозащиты гражданских прав

Гражданское законодательство предоставляет управомоченным субъектам необходимую свободу поведения, которая обеспечивает определенную возможность защищать свои нарушенные права.

⁵ Рыженков А.Я. Беспрепятственное осуществление гражданских прав как принцип российского гражданского законодательства // Гражданское право. - 2014. - № 5. - С. 3 - 6.

⁶ Гражданский кодекс Российской Федерации. Постатейный комментарий к главам 1, 2, 3 / Б.М. Гонгало, А.В. Коновалов, П.В. Крашенинников и др.; под ред. П.В. Крашенинникова. М.: Статут, 2013. – С. 78-82.

Самозащита - способ защиты гражданских прав, т.е. реакция на противоправные действия другой стороны. Применение данного способа защиты должно освобождать от ответственности за причиненный вред лицу, нарушившему или нарушающему права и интересы защищаемого.

Статья 14 ГК РФ содержит требования, предъявляемые к правомерной самозащите, в частности это требование о соразмерности действий управомоченного лица действиям нарушителя и требование о недопустимости выхода управомоченного за пределы действий, необходимых для пресечения правонарушения. Разъяснения прилагаемой нормы даются в комментариях к Гражданскому кодексу Российской Федерации, т.е. путем самозащиты лицо защищает свое право и интересы собственными действиями, не прибегая к помощи суда и иных органов. Комментируемая статья допускает использование данного способа при наличии в совокупности трех условий: а) нарушения права или возможности (опасности) его нарушения; б) необходимости пресечения (предупреждения) нарушения; в) применения мер, соответствующих характеру и содержанию правонарушения.

Этим условиям отвечает защита прав и интересов собственными силами при захвате имущества или иных противоправных действиях нарушителя.

Действия обладателя права в защиту личных и имущественных прав не признаются противоправными, если они совершены в состоянии необходимой обороны. Иными словами, следует выделить три критерия, которые необходимо принимать во внимание при определении границ правомерной самозащиты.

Первый критерий связывает нас с оценкой действий правонарушителя, второй - с определением соотношения между благами, нарушенными и защищенными, третий направляет нас на оценку действий самого управомоченного лица. При этом первый и третий критерии основываются на требованиях ст. 14 ГК РФ о недопустимости выхода за границы действий, необходимых для пресечения нарушения. Установление таких пределов (границ) достигается лишь на основе полной и всесторонней оценки как действий правонарушителя, так и самого управомоченного.

Содержание первого критерия состоит в оценке:

- способа, который применяется при нарушении права правонарушителем (например, нападение на личность или имущество управомоченного);
- характера действий правонарушителя (интенсивности, внезапности нападения, физических способностей нарушителя и т.д.).

Суть второго - в соотношении (оценке) защищенного и нарушенного блага. В соответствии с п. 2 ст. 14 ГК способы самозащиты должны быть соразмерны нарушению и не выходить за пределы действий, необходимых для его пресечения. Превышение пределов необходимой обороны возможно в отношении выбора средств защиты, интенсивности обороны и ее своевременности. Превышение пределов необходимой обороны - это явное несоответствие средств защиты характеру и опасности нападения. Однако это несоответствие не следует понимать механически, нужно учитывать степень и характер опасности, силы и возможности обороняющегося, а также волнение, которое возникает у последнего в такой сложной обстановке.

Превышением пределов обороны может быть превышение интенсивности защиты над интенсивностью нападения, например излишняя поспешность или чрезмерная активность в применении оборонительных средств, когда речь идет об угрозе нападения. Несвоевременность использования оборонительных средств может быть связана не только с поспешностью, но и с их применением после того, как нападение закончилось и уже ничто не грозит обороняющемуся.

Правовыми последствиями действий в состоянии необходимой обороны с точки зрения гражданского права является то, что причиненный нападавшему вред не подлежит возмещению. Иначе решается этот вопрос при превышении пределов необходимой обороны, поскольку речь идет уже о неправомерных действиях, влекущих гражданско-правовую ответственность. Но и здесь учитывается посягательство потерпевшего на законные интересы оборонявшегося лица, хотя бы и превысившего пределы необходимой обороны.

Действительно, соразмерность применительно к предмету самозащиты означает причинение вреда менее значительного, нежели предотвращенного.

Соразмерность материальных благ определяется путем соизмерения их стоимости. Другое дело, когда нужно соотнести значимость нематериальных и материальных благ. Нематериальные блага представляют собой, безусловно, большую ценность по сравнению с материальными, поэтому при нанесении вреда жизни, здоровью человека при защите собственности мы можем увидеть превышение пределов самозащиты. В дальнейшем, уже в процессе рассмотрения дела в суде, учитываются и иные условия правомерности. На основании рассмотренных в совокупности условий правомерности выносятся решения или об освобождении от ответственности, или о привлечении к ней. Третий критерий выполняет общие функции осуществления гражданских прав в границах, определенных нормами права, и сочетает в себе как субъективные, так и объективные моменты: с одной стороны, его суть в недопущении злоупотребления правом, а с другой стороны - в соблюдении порядка (последовательности) защиты гражданских прав. Таким образом, выявляются самостоятельные условия, которые необходимо учитывать при определении правомерной самозащиты. Возможно применение мер самозащиты и в состоянии крайней необходимости, которую ст. 1067 ГК трактует как опасность, угрожающую самому обладателю прав или другим лицам, если эта опасность при данных обстоятельствах не могла быть устранена иными средствами. Такие действия, как и действия в состоянии необходимой обороны, ГК РФ не признает противоправными. Однако если в состоянии крайней необходимости причинен вред, то он, как правило, подлежит возмещению. Самозащитой действия в состоянии крайней необходимости могут признаваться, если ценность защищенных прав превышает причиненный вред. Например, огнестрельное ранение грабителя фруктов в саду едва ли может рассматриваться как действие, соразмерное нарушению.

Судебная практика не признает самозащиту правомерной, если она явно не соответствует способу и характеру нарушения и причиненный (возможный) вред является более значительным, чем предотвращенный. Выход субъекта за пределы субъективного права при его осуществлении приводит к возложению на него ответственности, в общем виде это отказ в защите принадлежащих субъекту гражданских прав (п. 2 ст. 10 ГК РФ).

Все вышеизложенное позволяет нам обозначить специальные положения, касающиеся непосредственно злоупотребления правом, как условия применения правомерной самозащиты.

Во-первых, самозащита в некоторых случаях сопровождается причинением правонарушителю вреда. Такая самозащита не является злоупотреблением права при условии соблюдения некоторых ограничений. В литературе приводится пример, когда собственник в целях охраны своего владения огородил его колючей проволокой, пропустив через ограду электрический ток. По мнению В.П. Грибанова, «очевидно, что принятие таких мер «охраны» своего имущества преследует не только цели его охраны, но и имеет задачей причинение вреда, причем не только правонарушителю, но и любому другому лицу или животному, которое прикоснется к такого рода ограде. Не гарантирован от такого последствия и сам собственник»⁷. Г.А. Свердлык и Э.Л. Страунинг попытались определить такие границы, используя следующую конструкцию: не нарушены пределы самозащиты, если «применяемое при самостоятельной защите имущества техническое приспособление не предназначено для причинения вреда или заведомо не создает серьезного риска причинения смерти или тяжкого телесного повреждения. Применение технического приспособления должно быть признано правомерным, если его обычно применяют для такой цели или управомоченным лицом приняты разумные меры предосторожности к тому, чтобы поставить вероятных нарушителей в известность о возможности применения технического средства»⁸.

Рассмотрев конструкцию, предложенную авторами, можно сказать, что осуществление самозащиты, сопряженное с причинением вреда нарушителю, возможно, и не будет злоупотреблением правом при следующих условиях:

а) такое средство обычно применяется для охраны от неправомерного посягательства на собственность (имущество) управомоченного;

б) управомоченным лицом приняты меры предосторожности при возможном применении названных средств в случае неправомерного посягательства.

⁷ Грибанов В.П. Пределы осуществления и защиты гражданских прав. М.: Статут, 2011. – С. 35.

⁸ Свердлык Г.А., Страунинг Э.Л. Способы самозащиты гражданских прав и их классификация // Хоз-во и право. - 2009. - № 1. – С. 71-77.

Во-вторых, неправомерная самозащита (при несоблюдении условий о недопущении злоупотребления правом) имеет место только при умысле управомоченного. В-третьих, превышение пределов правомерной самозащиты при злоупотреблении правом ведет к отказу в защите принадлежащих управомоченному прав - общая санкция, которая в каждом конкретном случае имеет особый порядок реализации⁹.

Следующее условие - условие о соблюдении порядка (последовательности) защиты гражданских прав. В п. 10 Постановления Пленума Верховного суда РФ № 25 говорится о том, что возможность самозащиты не исключает права такого лица воспользоваться иными способами защиты, предусмотренными ст. 12 ГК РФ, в том числе в судебном порядке, т.е. это защита нарушенных прав с помощью признания права; восстановления положения, существовавшего до нарушения права, и пресечения действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения; признания оспоримой сделки недействительной и применения последствий ее недействительности, применения последствий недействительности ничтожной сделки; признания недействительным решения собрания; признания недействительным акта государственного органа или органа местного самоуправления; самозащиты права; присуждения к исполнению обязанности в натуре; возмещения убытков; взыскания неустойки; компенсации морального вреда; прекращения или изменения правоотношения; неприменения судом акта государственного органа или органа местного самоуправления, противоречащего закону; иными способами, предусмотренными законом¹⁰.

⁹ Максимов В.А. Основания самозащиты гражданских прав собственниками // Ленинградский юридический журнал. - 2016. - № 1. - С. 119 - 127.

¹⁰ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25. О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации // Российская газета. № 140, 30.06.2015.

2. Особенности самозащиты гражданских прав

2.1. Соотношение понятий самозащита гражданских прав и мер оперативного воздействия

Как самостоятельное юридическое явление понятие «меры оперативного воздействия», отличное от понятия «самозащита права», теряет смысл, поскольку частное право ныне допускает самозащиту гражданских прав посредством применения мер пресечения нарушения гражданских прав способами самозащиты (ст. 14 ГК РФ). Самозащита обретает черты некой широкой формы защиты прав неюрисдикционного характера, которая должна быть более детально раскрыта законодателем и должна включать в себя возможность применения в том числе некоторых мер защиты восстановительного характера. Явление самозащиты гражданских прав в современном частном праве гораздо шире допустимых к реализации уголовным правом мер необходимой обороны и защиты в состоянии крайней необходимости и включает в себя меры самопомощи во внедоговорных правоотношениях и оперативные меры защиты в договорных правоотношениях, образуя понятие односторонних правозащитных мер в частном праве. Оценивается юридический и фактический элемент в понятии мер оперативного воздействия (односторонних правозащитных мер в договорных правоотношениях). Односторонние правозащитные меры в гражданских правоотношениях проявляют фактический и юридический аспект, они применяются защищаемым как фактические, т.е. согласно с внутренней (субъективной) оценкой конкретной ситуации и по факту нарушения прав, но то же время могут породить правовой результат - изменения в структуре прав и обязанностей сторон в правоотношении.

Меры оперативного воздействия как самостоятельное научное понятие появились в советской цивилистике в связи с отрицанием широкого явления неюрисдикционной защиты прав (самозащиты), поскольку всячески подчеркивался их особый юридический характер в противовес односторонним мерам защиты фактического характера, реализуемым во внедоговорных правоотношениях,

которые в научных источниках часто и определяют в категорию гражданско-правовой самозащиты¹¹.

Самозащита обретает черты некой широкой формы защиты прав неюрисдикционного характера, которая должна быть более детально раскрыта законодателем и должна включать в себя возможность применения, в том числе некоторых мер защиты восстановительного характера.

Меры самозащиты в договорных и во внедоговорных правоотношениях удобно именовать односторонними правозащитными мерами, а вместе с односторонними предупредительными мерами в правоотношениях (самоохраной) они образуют более широкое понятие односторонних правоохранительных мер.

Вредоносные действия защищаемого в состоянии крайней необходимости в связи с устранением опасности необязательно могут причинять существенный вред (уголовно наказуемый вне состояния опасности), они могут и не выходить за рамки внешнего проявления гражданского деликта.

Кроме того, при крайней необходимости речь не идет о посягательстве со стороны субъекта права, источник опасности может быть и природного характера или вовсе непонятного происхождения на момент оценки его угрозы защищаемым.

Устранение опасности посредством вредоносных действий защищаемого может причинять лишь гражданско-правовой вред третьим лицам, что будет являться самопомощью в состоянии крайней необходимости.

В любом случае такие вредоносные частноправовые действия, как и более радикальные вредоносные действия, допустимые уголовным правом, подлежат компенсации (ст. 1079 ГК РФ¹²). К сожалению, в ГК РФ не урегулирована ситуация освобождения от компенсации защищаемого при причинении им вреда владельцу вещи, от которой исходит опасность (повреждение такой вещи или уничтожение ее).

¹¹ Карпов М.С. Гражданско-правовые меры оперативного воздействия. М., 20104. - С. 4.

¹² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 23.05.2016) // Собрание законодательства РФ. 29.01.1996, № 5, ст. 410.

Таким образом, понятие самозащиты как неюрисдикционной внесудебной формы защиты прав предполагает включенность в него различных мер противодействия нарушениям прежде всего вещных прав, а также возможности реализации односторонних мер защиты в договорных правоотношениях.

Хотя в современной цивилистике чуть ли не доминантой стало разделение всех реализуемых односторонним порядком мер защиты на фактические (самозащита во внедоговорных правоотношениях) и юридические (меры оперативного воздействия). Понятие права и факта в цивилистике традиционно относится к спорным элементам. Любой факт, порождающий какие-либо правовые последствия, является юридическим фактом, поэтому меры защиты абсолютных прав, реализующиеся самостоятельно, без государственных органов, тоже имеют юридический характер, только их воздействие направлено на пресечение нарушения прав (угрозы нарушения) посредством обеспечения стабильности абсолютного права. Поэтому при реализации таких мер необходимо отметить не только факт или «физическое воздействие», но и правовой элемент - не только пресекается наличное нарушение, но может и восстанавливаться нарушенное, например в структуре вещного права происходит восстановление нарушенного владения или правомочия пользования. Обычно особый юридический характер мер оперативного воздействия связывают с тем, что их реализация влечет такие же последствия, как и сделка (односторонняя сделка), то есть такие действия направлены на изменение правового положения должника, вследствие чего они и относятся к мерами юридического порядка. Как можно видеть, применение любой самостоятельной меры защиты, вне зависимости от правоотношения, в котором она реализуется, происходит, как правило, спонтанно, с опорой защищаемого лица лишь на внутреннее убеждение в правомерности и адекватности (соразмерности) своих односторонних действий. Поэтому все односторонние правозащитные меры, по сути, применяются защищаемым как «фактические», то есть согласно с внутренней (субъективной) оценкой конкретной ситуации и по факту нарушения прав, но в то же время они могут порождать правовой результат - изменения в структуре прав и обязанностей сторон в правоотношении.

Это подчеркивает условность и дуализм в «фактическом» и «юридическом» элементах. Неизбежность «юридического» результата применения правозащитных мер в виде, например, одностороннего прекращения или изменения договорного правоотношения может быть еще под сомнением - их должна не оспаривать сторона, на которую они направлены. Кроме того, не все односторонние правозащитные меры в договорных правоотношениях имеют направленность на существенное преобразование базовой структуры правоотношения. Когда происходит стимулирующее приостановление исполнения встречного обязательства или удержание имущества должника, подобные правозащитные действия несравнимы по последствиям своего воздействия на базовую, идеально сформированную структуру прав и обязанностей сторон с такими мерами, как полный или частичный односторонний отказ от исполнения обязательства или изменение его условий в одностороннем порядке. Последние действия, реализуемые односторонним порядком, являются актами реализации защитительного правомочия, которое может прекратить существование всего субъективного права или его части, соответственно прекратится и изменится правоотношение целиком или в части. Так как субъективное право входит в структуру гражданского правоотношения, то движение правоотношения неразрывно связано и с движением субъективных прав в его содержании. Однако реализация защитительного правомочия может быть направлена на выравнивание нарушенной правовой связи сторон до первоначальной идеальной его модели. С успешной реализацией защитительного правопритязания правовая модель, подобно пружине, возвращается в первоначальное состояние, поэтому в этом случае базовые элементы правоотношения не изменяются и не прекращаются. Они изменялись лишь временно, пока осуществлялось правозащитное, например стимулирующее, действие правозащитной меры. Но это происходит только в тех ситуациях, когда восстановить такую модель правового отношения еще возможно и есть интерес у самого защищаемого¹³.

¹³ Егорова М.А. Прекращение обязательств: опыт системного исследования правового института. М., 2013. – С. 65.

Итак, главным признаком большинства выделяемых в отдельную конструкцию мер оперативного воздействия является то, что они проявляют себя таким образом, что радикально воздействуют на структуру правоотношения, в котором реализуются. Такой эффект их действия более связан с самой природой договорного правоотношения, которое изначально динамично само по себе. К числу таковых относятся меры, реализующие прекращение правоотношения, и меры, существенно (радикально) корректирующие его структуру. Подобные меры имеют признаки односторонней сделки согласно п. 2 ст. 154 ГК РФ, по-видимому, в большей степени в силу этого основания и отмечается в доктринальных источниках их особый юридический характер. Думается, подобные юридические факты следует относить к понятию юридического поступка из-за их направленности на защиту своего положения в правоотношении. Остальные односторонние оперативные меры, стимулирующие к реальному исполнению договорного обязательства, не направлены на существенное, то есть радикальное, преобразование действующего правоотношения. Например, при реализации различных правозащитных мер, приостанавливающих встречное обязательство, субъективное право находится в состоянии напряжения, несущественно корректируются сроки исполнения, но не меняется основной организационно-преобразовательный механизм этого правоотношения. То есть такие меры имеют стимулирующий к исполнению обязательства характер. Таким образом, все правозащитные меры в различных гражданских правоотношениях реализуют определенные юридические последствия. Едва ли по этому признаку их можно разделять между собой и выделять в самостоятельное юридическое понятие, то есть налицо реализация самостоятельным односторонним порядком правомочия на защиту (самозащиту) существующего субъективного права лица.

Есть ли теоретическая необходимость это правомочие выводить из субъективного права и придавать ему самостоятельное значение в виде права на защиту или какого-то особого правомочия вспомогательного содержания - секундарного права?

Само защитительное правомочие в структуре субъективного права является вспомогательным элементом его реализации, поскольку защита реализуется лишь в случаях нарушения идеальной конструкции правоотношения. Так, довольно частым на страницах научной литературы стало выделение особенных вспомогательных, то есть секундарных, прав, понятие о которых было подробно раскрыто в трудах немецких ученых¹⁴, чуть ли не во всех ситуациях односторонних действий субъектов правоотношений¹⁵. Распространение теории особенных секундарных прав на ситуации реализации защиты цельного субъективного права лица, так же как и выделение отдельных охранительных правоотношений в каждом случае состояния напряженности субъективного права, например в рамках договорного правоотношения, подрывает цельное и самостоятельное понятие субъективного права и правоотношения, регулирующего конкретное базисное общественно-экономическое отношение. Явление крайности в частном праве необязательно предполагает причинение вреда (совершение сделки вследствие стечения тяжелых обстоятельств). Следуя логике правоведа, к секундарным правам можно было бы отнести и право на самопомощь во внедоговорных отношениях, например, задержание вещи нарушителя или самостоятельное устранение препятствий в пользовании вещью. Очевидно, что подобные действия не выходят за рамки осуществления правомочий абсолютного правообладателя в рамках субъективного права. Стоит ли вообще вести дискуссию о вспомогательности прав или правомочий в ситуациях реализации оперативных мер в организационно-преобразовательном правоотношении, которое находится в состоянии напряжения посредством неисполнения или ненадлежащего исполнения договорного обязательства или в состоянии предвидимого его нарушения? Например, некоторые цивилисты выделяют самостоятельную группу секундарных прав так называемого лишаящего действия, в результате осуществления которых умаляется или прекращается право пассивной стороны. Авторы классифицируют секундарные права, «оставляя определенный простор для выделения других членов»:

¹⁴ Зекель Э. Секундарные права в гражданском праве // Вестник гражданского права. - 2016. - № 2. – С. 113-116.

¹⁵ Кравченко А.А. Секундарные права в российском гражданском праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. - С. 26.

1) прекращение обязательственного права в отношении управомоченного субъекта;

2) изменение содержания обязательственного права в отношении управомоченного субъекта;

3) затруднение реализации права в отношении управомоченного субъекта;

4) отчуждение субъективного гражданского права (вещного, обязательственного, исключительного, в интересах управомоченного субъекта).

Можно видеть, что в указанной конструкции в основном присутствуют правозащитные меры, реализация которых в рамках существующего организационно-преобразовательного правоотношения (договорного обязательства) связана с различными юридическими фактами - правонарушениями со стороны контрагента, кроме ситуаций, когда подобные односторонние действия реализуются в силу некоторой специфики самого договорного правоотношения (фидуциарное поручение, обязательства из бессрочных договоров, обязательства из договоров, в которых существенное значение имеет личность контрагента, например услугодателя, и др.). В подобных ситуациях следует вести речь о реализации защитительного правомочия в структуре субъективного права и правоотношения, а не об особенных секундарных правах (правомочиях). Иначе придется в структуре субъективного права выделить еще четвертое правомочие - секундарное. Вряд ли в этом есть необходимость, ведь правомочие на защиту субъективного права как раз и предполагает существование возможности прибегнуть в предусмотренных законом случаях к односторонним правозащитным действиям, в том числе без посредства государственного органа (самозащита как неюрисдикционная форма защиты права)¹⁶.

Известно, что доктрина советского права допускала защиту только при посредстве органов государственной власти, хотя сам механизм защиты всегда зависит от активности действий защищаемого лица. Защитительные действия в частном праве сами по себе вспомогательные.

¹⁶ Гражданское право. Актуальные проблемы теории и практики: В 2 т. / Под общ. ред. В.А. Белова. М., 2015. Т. 2. – С. 88.

Порождает ряд вопросов и предложенная выше классификация оперативных мер на четыре группы, хотя и имеющая открытый характер. Условия предлагаемой систематики оперативных мер не бесспорны, поскольку в первых двух группах эти меры систематизируются по признаку их влияния на структуру правоотношения (его прекращения или изменения). Третья группа мер обеспечительного характера также логична, поскольку речь идет о временном изменении структуры договорного правоотношения (приостановлении исполнения обязательства, дефензивном удержании имущества). Эти меры направлены на реальное исполнение обязательства, поэтому правоотношение временно, но изменяется, во всяком случае, находится в напряженном состоянии субъективное право. Четвертая группа мер, направленных на отчуждение права, в представленной классификации родственна с первыми двумя группами, поскольку при реализации вещи правоотношение либо существенно изменяется, либо вообще прекращается, поэтому не совсем логично ее выделение при существовании трех других.

Таким образом, можно констатировать, что в условиях развитого частного права конструкция самозащиты прав обретает значительно более широкие рамки, включает в себя односторонние правозащитные меры в любых гражданских правоотношениях. Это неюрисдикционная форма защиты прав, реализующаяся не только пресекательным, но иногда и восстановительным порядком (продажа вещи хранителем, односторонняя отмена дарения), а во внедоговорных правоотношениях - это ретенционная самопомощь в виде внедоговорного задержания вещей нарушителя, владельческая (виндикационная) самопомощь - право силовыми действиями отобрать вещь, только что выбывшую из владения, до тех пор, пока это возможно реализовать скорым порядком, негаторная самопомощь - самостоятельное устранение препятствий в пользовании вещью и другие меры, посредством которых лицо самоуправно пресекает и восстанавливает нарушения. К сожалению, существование столь широких возможностей восстановительной самозащиты требует законодательных изменений¹⁷.

¹⁷ Южанин Н.В. Меры оперативного воздействия и секундарные права // Lex russica. - 2016. - № 8. - С. 21 - 32.

Такие способы пресечения и восстановления нарушенных прав, реализующиеся мерами самозащиты (односторонними правозащитными мерами), не образуют самостоятельного охранительного правоотношения и не являются вспомогательными (секундарными) правами (правомочиями), речь идет о реализации правомочия защиты в рамках цельного субъективного права и правоотношения. Понятие самозащиты права более доступно и понятно для участников гражданского оборота в силу его естественно-правовой природы, в то время как категория секундарных прав осложняет механизм гражданско-правового регулирования.

2.2. Практика реализации гражданами самозащиты гражданских прав

Так, ФИО1 обратился с иском к ФИО8 о понуждении произвести ремонт входной двери.

В обосновании иска указал, что является собственником <...> доли квартиры, находящейся по адресу: <адрес> (дата) истец направил в адрес ответчика письмо, предложил передать комплект ключей от квартиры и предоставить возможность беспрепятственно пользоваться квартирой, (дата) истец прибыл в спорную квартиру, однако ответчик отказалась открывать дверь. В последующем ответчик дверь в квартиру не открыла, на звонки не реагировала, (дата) истец нанял мастера по вскрытию двери. В квартире имущества не оказалось, жильцы переехали. Открытая дверь существенно нарушает права истца на безопасные условия проживания, в связи с чем, истец просит суд обязать ФИО2 произвести ремонт входной двери.

В судебном заседании истец иск поддержал, суду сообщил, что неоднократно обращался к ответчику предоставить доступ в квартиру, (дата) вынужден был произвести демонтаж двери. В настоящий момент в квартире проживать не может, поскольку нет двери. Полагает, что ответчик обязана восстановить дверь, поскольку уклонялась в предоставлении доступа.

Ответчик, надлежащим образом извещенная о времени и месте рассмотрения дела, в суде не явилась. В предварительном судебном заседании иск не признала. Суду пояснила, что действительно, сообщила истцу, что не впустит его в квартиру без решения суда, со сделками по отчуждению долей не согласна, (дата) выехала из спорной квартиры. Позвонили соседи, сообщили, что дверь вскрыта, квартира открыта.

Решением Московского районного суда г. Н. Новгорода от 01 августа 2016 года ФИО1 в удовлетворении исковых требований отказано.

Не согласившись с указанным решением, ФИО1 подал апелляционную жалобу с просьбой его отменить как незаконное и необоснованное, указывая, на нарушения судом требований ст. 56 ч. 2, 198 ч. 4 ГПК РФ, на неправильную оценку фактических обстоятельств дела. Автор жалобы полагает, что произведенные им действия по вскрытию двери являются соразмерным и допустимым способом самозащиты нарушенного права в соответствии со ст. 14 ГК РФ. Также указал, что с финансовой точки зрения избранный им способ самозащиты приемлем и соразмерен для обеих сторон.

Судом установлено, что ФИО1 и ФИО8 принадлежит по <...> доли квартиры, расположенной по адресу: <адрес>

Право собственности истца на <...> долю в спорной квартире зарегистрировано в установленном законом порядке (дата), что подтверждается свидетельством о государственной регистрации права.

Из пояснений сторон судом установлено, что истец имел намерение вселиться в спорную квартиру, неоднократно предлагал ответчику предоставить доступ в квартиру, однако ответчик ответила отказом, предложила обратиться в суд.

Истец демонтировал дверь в вышеуказанной квартире, на момент демонтажа входной двери, ответчик из квартиры выехала, что не оспаривалось сторонами.

Установив данные обстоятельств, исходя из положений ст. ст. 209, 244, 247, 304 Гражданского кодекса Российской Федерации, суд пришел к верному выводу, что истец, являясь собственником <...> доли в праве собственности на спорную квартиру, имеет право пользования квартирой равное с правом ответчика.

Поскольку фактически между сторонами не был определен порядок пользования квартирой, как предусмотрено ст. 247 Гражданского кодекса Российской Федерации, и не было достигнуто согласие о порядке пользования квартирой, истец вправе был обратиться в судебные органы с иском об устранении препятствий в пользовании, однако им этого сделано не было.

Учитывая, что истец являясь собственником доли спорной квартиры, не воспользовался правом, предусмотренным ст. 247 ГК РФ, и самостоятельно демонтировал дверь, суд не нашел оснований для возложения обязанности по ремонту двери на ответчика.

При этом суд исходил из того, что истцом избран ненадлежащий способ защиты нарушенных (или предполагаемо нарушенных) прав и законных интересов, что послужило основанием для оставления заявленных требований без удовлетворения. С данным выводом судебная коллегия соглашается, поскольку избранный истцом способ защиты должен быть соразмерен нарушению и не должен выходить за пределы, необходимые для его применения.

В силу статьи 12 Гражданского кодекса Российской Федерации защита гражданских прав осуществляется способами, указанными в данной статье, а также иными способами, предусмотренными в законе. Из названной нормы следует, что иные способы защиты прав могут быть установлены только законом.

Под способами защиты гражданских прав понимаются закрепленные законом материально-правовые меры принудительного характера, посредством которых производится восстановление (признание) нарушенных (оспариваемых) прав и воздействие на правонарушителя. В соответствии с пунктом 3 статьи 17 Конституции Российской Федерации осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц, защита права собственности и иных вещных прав должна осуществляться на основе соразмерности и пропорциональности, с тем, чтобы был обеспечен баланс прав и законных интересов всех участников гражданского оборота.

Судебная коллегия отвергает доводы истца о самозащите им своих гражданских прав по следующим основаниям. Самозащита гражданских прав

предусмотрена ч. 1 ст. 14 Гражданского кодекса Российской Федерации. В части 2 той же статьи данного закона указано, что способы самозащиты должны быть соразмерны нарушению и не выходить за пределы действий, необходимых для их пресечения. По мнению судебной коллегии, действия ФИО1 явно не соразмерны нарушению его прав, защиту которых он был вправе осуществить в установленном законом порядке разрешения гражданских споров. Исходя из изложенного, обстоятельства, имеющие значение для дела, были определены судом правильно, представленным доказательствам дана надлежащая оценка, нарушений норм материального и процессуального права не допущено. Доводы жалобы о несогласии с выводами суда по существу направлены на иную оценку собранных по делу доказательств и фактических обстоятельств дела, аналогичны доводам, ранее заявлявшимся в суде первой инстанции, которым дана соответствующая правовая оценка¹⁸.

Департамент городского имущества г. Москвы (далее - Департамент или ДГИ г. Москвы) обратился в суд с иском о выселении В.В.Б. из комнаты № 3, расположенной в квартире коммунального заселения по адресу: Москва, ул. М***, **-*-*-**. В обоснование иска указал, что при проведении 09.11.2015 комиссией из сотрудников Департамента и участкового обследования квартиры по указанному выше адресу, В.В.Б., зарегистрированный по месту жительства в данной квартире в комнате № 1, отказался открыть комнату № 3, пояснив, что вправе ею пользоваться на условиях социального найма. По требованию комиссии соответствующие правоустанавливающие документы на комнату № 3 В.В.Б. представлены не были. Направленное 19.11.2015 по результатам проверки в адрес В.В.Б. предписание об освобождении спорной комнаты не исполнено, при осмотре 30.03.2016 комнаты № 3 в квартире по адресу: Москва, ул. М***, **-*-*-**, данное жилое помещение по-прежнему занято В.В.Б.

В судебном заседании суда первой инстанции представитель истца ДГИ г. Москвы Г. настаивала на удовлетворении заявленных исковых требований.

¹⁸ Апелляционное определение Нижегородского областного суда от 01.11.2016 по делу № 33-13331/2016 // СПС КонсультантПлюс, 2017.

Ответчик В.В.Б. с иском ДГИ г. Москвы не согласился, указав, что спорную комнату он занимает на основании ст. 14 ГК РФ, документов на комнату у него не имеется, ранее он неоднократно обращался в Департамент по вопросы присоединения ему данной комнаты, однако его заявления не рассматривались.

Ответчик В.В.Б. на основании выданного Хорошевским Исполкомом обменного ордера № 058712 от 28.06.1991 занимает и зарегистрирован по месту жительства в квартире по указанному адресу в комнате № 1, что подтверждается сведениями, представленными в Едином жилищном документе № 2542662, выданном по состоянию на 30.03.2016.

На учете нуждающихся в улучшении жилищных условий В.В.Б. не состоит.

Комиссией из сотрудников ДГИ г. Москвы и участкового по району Щукино г. Москвы 09.11.2015 проводилось обследование спорной комнаты, в ходе которого ответчик В.В.Б. отказался открыть данное жилое помещение, указав, что занимает его на основании договора социального найма. Правоустанавливающие документы на право пользования данной комнаты при проведении обследования В.В.Б. комиссии не представлены.

По результатам обследования Департаментом в адрес В.В.Б. направлено предписание об освобождении спорного жилого помещения, исх. № ДГИ-И-59216/15 от 19.11.2015.

Согласно акту осмотра спорной комнаты № 331/03/2016 от 30.03.2016, составленного комиссией из сотрудников ДГИ г. Москвы, ГБУ «Жилищник района Щукино», Управы района Щукино и участкового по району Щукино г. Москвы, комната № 3 занята ответчиком В.В.Б.

Судом также установлено, что В.В.Б. обращался в ДГИ г. Москвы по вопросу предоставления ему спорной комнаты по договору социального найма в порядке ст. 59 ЖК РФ, предусматривающей возможность и основания предоставления освободившихся в коммунальной квартире жилых помещений отдельным категориям граждан.

В ответ истцом даны разъяснения об отсутствии законных оснований для получения В.В.Ю. указанной комнаты на основании договора социального найма.

Проанализировав установленные обстоятельства, оценив представленные доказательства, руководствуясь ст. 10 ЖК РФ и ст. 304 ГК РФ, суд первой инстанции обоснованно указал на отсутствие у ответчика законных оснований для проживания в комнате № 3 и пришел к правильному выводу о выселении В.В.Б. из данного жилого помещения. Разрешая спор, суд первой инстанции правомерно исходил из того, В.В.Б. на учете нуждающихся в улучшении жилищных условий не состоит, факт отсутствия у него заключенного с истцом договора о пользовании спорным жилым помещением не оспаривал. Доказательств наличия иных оснований пользования спорной комнатой, как это предусмотрено ст. 56 ГПК РФ, стороной ответчика в материалы дела не представлено. Поскольку собственником спорного жилого помещения является город Москва, правомочия по распоряжению жилыми помещениями, принадлежащими городу Москве, отнесены к компетенции ДГИ г. Москвы, который вправе требовать устранения всяких нарушений права собственности, суд первой инстанции правомерно указал, что ответчик В.В.Б. обязан освободить спорное жилое помещение, так как, занимая спорную комнату, он препятствует истцу в пользовании и распоряжении данным жилым помещением.

Судебная коллегия соглашается выводами суда первой инстанции, которые основаны на имеющихся в деле доказательствах, оценка данным доказательствам дана судом с соблюдением ст. 67 ГПК РФ¹⁹ в их совокупности и во взаимосвязи с нормами действующего законодательства. Проверив законность и обоснованность постановленного по делу решения в соответствии с ч. 1 ст. 327.1 ГПК РФ исходя из доводов апелляционной жалобы В.В.Б., судебная коллегия оснований для отмены постановленного по делу решения не усматривает.

Допущенная судом первой инстанции в мотивировочной части решения описка при указании имени и отчества ответчика таким основанием служить не может и подлежит исправлению в порядке ст. 200 ГПК РФ.

Довод апелляционной жалобы об отсутствии у должностного лица, подписавшего иск, соответствующих полномочий, в силу п. 10.2 Положения о

¹⁹ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 19.12.2016) // Российская газета. № 220, 20.11.2002.

Департаменте городского имущества города Москвы, утвержденного Постановлением Правительства Москвы от 20.02.2013, несостоятелен.

Доводы апелляционной жалобы В.В.Б. о том, что в спорной комнате он не проживает, а также о том, что судом неправильно дана оценка представленным в материалы дела доказательствам, фактически сводятся к несогласию с оценкой, данной судом представленным доказательствам, повторяют позицию, озвученную ответчиком в суде первой инстанции, не содержат каких-либо обстоятельств, которые не были предметом исследования суда, требовали бы дополнительной судебной проверки или опровергали выводы судебного решения.

Документов, подтверждающих наличие у ответчика права пользования спорной комнатой № 3 с апелляционной жалобой не представлено.

Решение Хорошевского районного суда г. Москвы от 24 июня 2016 года оставить без изменения, апелляционную жалобу В.В.Б. - без удовлетворения²⁰.

²⁰ Апелляционное определение Московского городского суда от 24.10.2016 по делу № 33-42540/2016 // СПС КонсультантПлюс, 2017.

Заключение

Самозащита представляет собой единственный способ защиты гражданских прав, осуществление которого возможно действиями не правового, а фактического характера, т.е. результативными действиями, которые изначально не нацелены на создание каких-либо юридических последствий (см. п. 4 комментария к ст. 8 ГК). Этим самозащита отличается от мер оперативного воздействия, нацеленных именно на создание юридических последствий; как правило, применение таких мер имеет задачу понудить должника надлежащим образом исполнить принятое обязательство.

Выбор тех или иных действий по самозащите зависит от обстоятельств, в которых они совершаются. Это может быть чрезвычайная или исключительная ситуация, когда использование каких-либо правовых средств попросту невозможно (например, это действия, совершаемые в условиях крайней необходимости). Либо это может быть обычная ситуация, вовсе не предполагающая применение правовых средств и предусматривающая осуществление превентивных шагов, нацеленных на исключение возможности нарушения (например, установка охранных средств и приспособлений, помещение ценностей в сейф).

Таким образом, самозащита осуществляется только действиями фактического характера, направленными на предотвращение либо воспрепятствование или пресечение нарушения гражданских прав. Подобные действия, имея фактический характер, не направлены на создание юридических последствий и сами по себе не приобретают юридического значения.

Вместе с тем то обстоятельство, что самозащита не предполагает использование для защиты правовых средств, а осуществляется посредством действий фактического характера, не лишает защитившееся подобным образом лицо права реализовать впоследствии возможности, предоставляемые ему гражданским правом.

Список использованных источников и литературы

Нормативные правовые акты

1. Конституция Российской Федерации принята всенародным голосованием 12.12.1993 года (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Российская газета. - № 237. - 25 дек. 1993.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 28.12.2016) // Российская газета. № 238-239, 08.12.1994.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 23.05.2016) // Собрание законодательства РФ. 29.01.1996, № 5, ст. 410.
4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 19.12.2016) // Российская газета. № 220, 20.11.2002.

Литература

5. Вавилин Е.В. Принципы гражданского права // Принципы российского права: общетеоретический и отраслевой принципы / Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. Саратов, 2010.
6. Гражданский кодекс Российской Федерации. Постатейный комментарий к главам 1, 2, 3 / Б.М. Гонгало, А.В. Коновалов, П.В. Крашенинников и др.; под ред. П.В. Крашенинникова. М.: Статут, 2013.
7. Гражданское право. Актуальные проблемы теории и практики: В 2 т. / Под общ. ред. В.А. Белова. М., 2015. Т. 2.
8. Грибанов В.П. Пределы осуществления и защиты гражданских прав. М.: Статут, 2011.
9. Дерюгина Т.В. Теоретические проблемы в сфере осуществления гражданских прав: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2011.
10. Егорова М.А. Прекращение обязательств: опыт системного исследования правового института. М., 2013.

- 11.Зеккель Э. Секундарные права в гражданском праве // Вестник гражданского права. - 2016. - № 2. – С. 113-116.
- 12.Карпов М.С. Гражданско-правовые меры оперативного воздействия. М., 20104. - С. 4.
- 13.Кравченко А.А. Секундарные права в российском гражданском праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015.
- 14.Максимов В.А. Основания самозащиты гражданских прав собственниками // Ленинградский юридический журнал. - 2016. - № 1. - С. 119 - 127.
- 15.Рыженков А.Я. Беспрепятственное осуществление гражданских прав как принцип российского гражданского законодательства // Гражданское право. - 2014. - № 5. - С. 3 - 6.
- 16.Свердлык Г.А., Страунинг Э.Л. Способы самозащиты гражданских прав и их классификация // Хоз-во и право. - 2009. - № 1. – С. 71-77.
- 17.Южанин Н.В. Меры оперативного воздействия и секундарные права // Lex russica. - 2016. - № 8. - С. 21 - 32.

Судебная практика

- 18.Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25. О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации // Российская газета. № 140, 30.06.2015.
- 19.Апелляционное определение Нижегородского областного суда от 01.11.2016 по делу № 33-13331/2016 // СПС КонсультантПлюс, 2017.
- 20.Апелляционное определение Московского городского суда от 24.10.2016 по делу № 33-42540/2016 // СПС КонсультантПлюс, 2017.